

Владимир Владимирович Набоков

«Машенька».
Образ Ганина.

«Зачем я вообще пишу? Чтобы получить удовольствие, чтобы преодолевать трудности. Я не преследую при этом никаких социальных целей, не внушаю никаких моральных уроков... Я просто люблю сочинять загадки и сопровождать их изящными решениями».

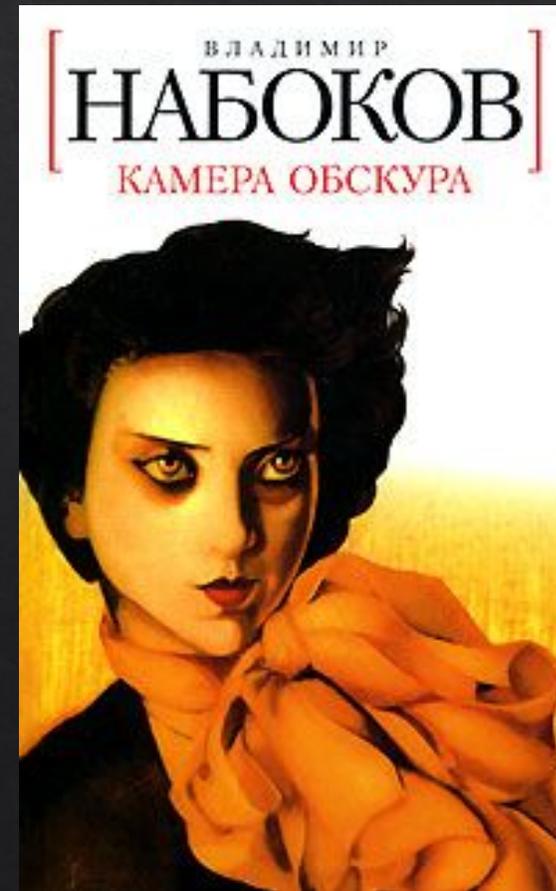
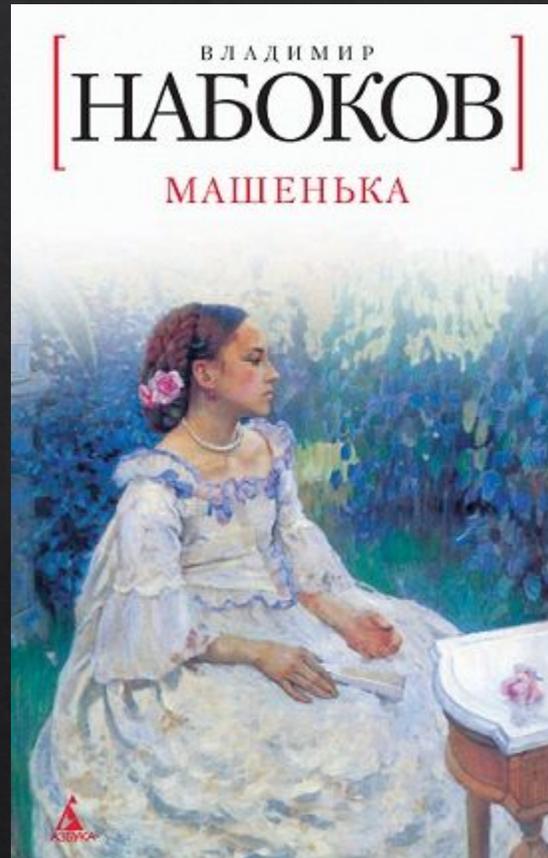
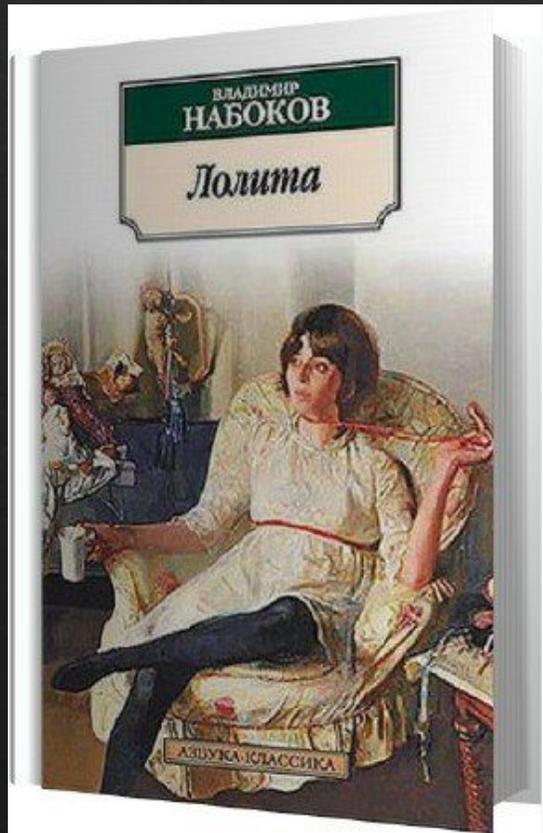
Что же отличает писателя от других? То, что он сам называет «многослойной реальностью».

Мотив зеркала, мотив двойничества, множество отражений присутствуют в произведениях. И еще своеобразный авторский знак — бабочка, мотылек.

Я занят странными мечтами
В часы рассветной полутьмы:
Что, если б Пушкин был меж нами —
Простой изгнанник, как и мы?
Так, удалясь в края чужие,
Он вправду был бы обречен
"Вздыхать о сумрачной России",
Как пожелал однажды он.
Быть может, нежностью и гневом —
Как бы широким шумом крыл, —
Еще неслыханным напевом
Он мир бы ныне огласил.
А может быть и то: в изгнанье
Свершая страннический путь,
На жарком сердце плащ
Он предпочел бы запахнуть, —

Образ утраченной родины переходит из романа в роман. Россия Набокова – это детство, это любовь, это рай. Набоков пишет: «Это было не просто напоминание, а жизнь».

«Машенька»

Ганин// Алферов

"Ганин... чувствовал с беспощадной ясностью, что роман его с Машенькой кончился навсегда. Он длился всего четыре дня... Но теперь он до конца исчерпал свое воспоминание, и образ Машеньки остался с умирающим поэтом там, в доме теней, который сам уже стал воспоминанием. И, кроме этого образа, другой Машеньки нет и быть не может".

Реальный мир

Человек мучается.
Закрытое
пространство
пансиона.
Герой вял, угрюм.
Письма, любовь,
постепенно угасшая.

Иллюзорный мир

Человеку хорошо,
пространство памяти,
открытое
пространство.
Полный сил молодой
человек.
Машенька (как
символ) любви к
Родине и молодости.

«А когда мы вернемся в Россию? Какой идиотской сентиментальностью должна звучать... наша невинная надежда для оседлых россиян. А ведь она не историческая, — только человеческая, — но как им объяснить? Мне-то, конечно, легче, чем другому, жить вне России, потому что я наверняка знаю, что вернусь, — во-первых, потому что я увез с собой от нее ключи, а во-вторых, что все равно когда, через сто, через двести лет, буду жить там в своих книгах...».